

ШТАБ

РККА

УПРАВЛЕНИЕ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОПЫТА ВОЙН

19761
19718
M. ПЕТРОВ

**МОРСКАЯ ОБОРОНА
БЕРЕГОВ В ОПЫТЕ
ПОСЛЕДНИХ ВОЙН
РОССИИ**

ИЗДАНИЕ ВОЕННОЙ ТИПОГРАФИИ УПРАВЛЕНИЯ
1927 ДЕЛАМИ НКВД и РВС СССР 1927

V.N. Karazin Kharkiv National University

00451887 3

СССР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОРОБЛЕ

ШТАБ ★ РККА

УПРАВЛЕНИЕ по ИССЛЕДОВАНИЮ и ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ОПЫТА ВОЙН

М. ПЕТРОВ

св

84

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА К.Д.У.
Інв. № 81461

МОРСКАЯ ОБОРОНА БЕРЕГОВ В ОПЫТЕ ПОСЛЕДНИХ ВОЙН РОССИИ

Всесоюзная библиотека
МАРКС-ЛЕНИНСКИХ ПОСЛАНИЙ
№ 103333

(С 20 схемами в тексте)

V45

ИЗДАНИЕ
ВОЕННОЙ ТИПОГРАФИИ УПРАВЛЕНИЯ
ДЕЛАМИ НАРКОМВОЕНМОР и РВС СССР

1927

Проверено
17.15 1927

58
64

V4620

1900

★★★★★

ВОЕННАЯ
ТИПОГРАФИЯ
управл. делами
НАРКОМВОЕНМОР
и РВС СССР
Пл. Урицк., 10.
Ленинградский
Гублит № 23186.
Тир. 3.000—13 л.
Заказ № 912.

★★★★★★★★★★★★

1900

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
От редакции	5
От составителя	7
 Глава 1. Оборона берегов в Восточную войну 1854/55 г.г.	
Состояние русского флота к 1854 г. Балтийский флот. Черноморский флот. Оборудование театра и состояние приморских крепостей на Черном и Балтийском море. Русская армия перед Крымской войной. Планы флота. Очерк боевых действий Черноморского флота. Очерк боевых действий Балтийского флота. Заключение	9
 Глава 2. Русско-японская война на море 1904/05 г.г.	
Морской театр войны. Состояние портов и крепостей. Состояние русского флота. Планы войны сухопутный и морской. Очерк военных действий на море. Начало войны. Высадка 1-й японской армии, заграждение входа в Порт-Артур. Командование флотом адмиралом Макаровым. Действия японцев. Действия флота после прекращения сообщений с Порт-Артуром. Попытки русской эскадры прорваться во Владивосток. Падение Порт-Артура и гибель флота. Действия Владивостокских крейсеров. Поход 2-й Тихоокеанской эскадры и Цусимский бой. Заключение	41
 Глава 3. Идеи обороны берегов перед мировой войной.	
Общие предпосылки к постановке вопроса об обороне берегов перед мировой войной. Точка зрения военного ведомства. Точка зрения морского ведомства. Идея позиционной обороны.	83
 Глава 4. Начало мировой войны и кампания 1914 года на Балтийском море.	
Значение Балтийского моря в мировую войну. Балтийский флот и его задачи. Оборудование Балтийского театра. План кампании Балтийского флота. Очерк боевых действий Балтийского флота в кампанию 1914 года. Начало войны. Первый период кампании: июль—сентябрь. Шведская операция. Действия германских крейсеров. Итоги первого периода кампании. Расширение оперативной зоны Балтийского флота. Новые планы командования флотом. Германские подводные лодки в Балтийском море. Период заградительных операций. Итоги кампании 1914 года	96

Глава 5. Очерк боевых действий Балтийского флота в 1915—17 гг.

А. Кампания 1915 года. Начало кампании. Смерть адмирала Эссена. Планы нового командования Балтийским флотом. Операция крейсеров 17—19 июня. Боевые действия в Рижском заливе. Попытка командования получить разрешение ставки на пользование дредноутами для операций в море. Итоги кампании 1915 года. Состояние береговой обороны. Б. Кампания 1916 года. Расширение прав командующего флотом. Состояние обороны в 1916 году. Боевые действия в кампанию 1916 года. Проект десантной экспедиции на Курляндское побережье. Недовольство ставки действиями командования флотом; смена адмирала Канина. В. Кампания 1917 года. Состояние обороны берегов Балтийского моря к 1917 году. Моонзундская операция. Заключение

126

Глава 6. Кампания на Черном море в мировую войну.

Вступление. Соотношение сил. Оборудование театра. Идея планов Черноморского флота перед мировой войной. Обстановка перед началом военных действий. Начало войны. Директивы Черноморскому флоту. Крейсерство Черноморского флота. Блокада Анатолийского побережья. Дальнейшие действия флота. Планы наступательных операций на Босфор, в связи с Дарданельской экспедицией союзников. Общая оценка действий Черноморского флота в 1915 и в первую половину 1916 года. Смена адмирала Эбергарда. Назначение командующим флотом Колчака и дальнейшая деятельность флота. Данные о береговой обороне Черного моря. Заключение

171

Заключение

203

ОТ РЕДАКЦИИ.

Организация береговой защиты является одним из основных жизненных вопросов, стоящих на очереди к разрешению в процессе строительства обороны СССР.

Для правильного разрешения этого вопроса опыт истории имеет весьма ценное значение. Но к нему необходимо подходить с чрезвычайной осторожностью, так как морская оборона царской России разрешалась в прошлом весьма неудовлетворительно.

Предлагаемый вниманию читателей труд тов. М. А. Петрова выявляет условия целесообразности морской обороны берегов, останавливаясь на „единстве“ стратегии морской и сухопутной, на зависимости ее от политики, на влиянии географического элемента, на инженерном оборудовании морских театров, на совместных операциях армии и флота.

Автор подчеркивает, что главнейшей причиной неудачного решения русской морской обороны было „отсутствие единства взглядов на этот вопрос со стороны военного и морского ведомств“; он уделяет особое внимание розни этих ведомств, получившей свое оформление даже в военной науке, принявшей „ведомственный характер“.

Необходимо отрешиться от подобной розни и не повторять ошибок печального прошлого. В морской обороне берегов важнейшим условием, обеспечивающим успех, является теснейшее взаимодействие основных элементов вооруженных сил—армии и флота.

Труд тов. М. А. Петрова, имея общую научную ценность, особенно поучителен в этом отношении. Труд легко читается и может быть рекомендован не только всему комполитсоставу РККА, но и всем интересующимся вопросами обороны страны.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ.

Для тех реальных задач, которые стоят в процессе военного строительства СССР, исследование операций морской обороны берегов имеет несомненно жизненное значение. С этим связано выяснение путей развития морских сил Союза, устройства и организации береговой защиты, а равно и выявление требований, предъявляемых морской обороной, в пределах этой операции, к подготовке и боевому использованию Красной армии.

Настоящий труд имеет целью проследить исторические предпосылки к современному пониманию задач и методов морской обороны, являясь попыткой систематизировать опыт трех последних войн на море конечного периода истории царской России, в которых операции на море имели ответственное значение: Восточной, Русско-Японской и Мировой войны.

Тот факт, что ни разу за это время морская оборона России не была решена вполне удовлетворительно, а в первых двух войнах (Восточной и Русско-Японской) исключительно неудачно, обязывает с чрезвычайной осторожностью отнестись к традициям в этом вопросе, преемственно переданным нам от прошлого. Эти традиции должны быть подвергнуты основательной ревизии, а опыт вновь пересмотрен, чтобы уберечься от проникновения в современные суждения идей, которые уже сыграли свою пагубную роль в истории русской морской обороны.

Я подхожу к вопросу о морской обороне прежде всего с точки зрения роли и задач военного флота, уделяя главное внимание морским операциям, вследствие чего другие вопросы, связанные с инженерной обороной и, в особенности, с действиями армии, остаются не вполне освещенными. Но при этом мной руководит определенная цель—связать проблему обороны с практической постановкой вопроса о восстановлении морских сил Союза, для которых оборона берегов, несомненно, является одним из основных вопросов, а опыт истории морской обороны в прошлом—особенно ценным.

Царский флот строился для широких империалистических планов. Но реальные условия, в которых ему пришлось вести

три последних больших войны, свели эти планы, в конечном счете, к обороне берегов. В одном случае—от англо-франко-турецкого флота, в другом—от японского и наконец, в Мировую войну—от германского и германо-турецкого. Следовательно, боевой опыт русского флота в течение этих войн может быть рассмотрен в плоскости морской обороны, и уроки его могут конкретизировать те отправные стратегические идеи, с которыми и Красному флоту приходится подходить к своей задаче.

В стремлении проследить эволюцию идей морской обороны, мне пришлось, более или менее систематически, изложить очерк истории флота в этих войнах.

Крымская и Русско-Японская войны разработаны по печатным источникам, перечень которых приведен ниже, Мировая—по архивным материалам и некоторым монографиям, в большинстве не напечатанным, выполненным работниками морской исторической комиссии в период ее существования—1919—1924 г.г.

М. Петров.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Оборона берегов в Восточную войну 1854/55 г.

Начиная исследование, имеющее целью осветить один из вопросов, стоящих на очереди дня, казалось бы, не стоило уводить внимание читателя столь далеко от современности, к Крымской кампании, так как с тех пор радикально изменились политические и стратегические условия и боевые средства войны.

Однако, при самом общем взгляде на события войн, близких нам, и события, отошедшие в область истории, нетрудно видеть, что, несмотря на эти изменения, старый боевой опыт сохраняет свое значение; что идеи, руководившие ведением войны, прежде всего идеи стратегии, оказываются весьма устойчивыми, несмотря на прогресс техники и эволюцию, какую мы наблюдаем, сравнивая условия современной войны с таковыми войн предыдущей эпохи.

В поисках обоснования суждений, присущих нам сейчас, мы неизменно приходим к необходимости изучить их исторические предпосылки, установить преемственность с прошлым и сделать из этого конкретные выводы.

Эта преемственность становится очевидной, если проследить развитие морской обороны, и в частности боевых задач флота, во время Крымской, а затем Русско-Японской и Мировой войны. Господствующие идеи русской морской стратегии в течении этих трех кампаний находятся между собой в самой тесной связи, аналогии же отдельных положений и самих событий этих войн подчас поразительны.

Уже в Крымскую войну мы находим сложившимися идеи, которые оказали давление на русскую морскую стратегическую мысль последующих кампаний, идеи, связанные с решением основного вопроса боевого использования морских сил в деле обороны берегов, ярко намечающие предпосылки не только к последующим войнам, но, отчасти, и к нашим современным взглядам на проблему морской обороны.

В круг нашей работы не входит исследование Восточной войны в ее целом. Мы оставляем в тени многие важнейшие события, не заботясь даже о том, чтобы дать полное представление о ходе кампании, а тем более исчерпать поучения ее богатого боевого опыта. Перед нами задача—исследовать идеи морской обороны—вопроса, который был так остро поставлен и так неудачно решен русской морской стратегией в этой войне.

Необходимо предварительно ознакомиться, хотя бы в общих чертах, с состоянием морских сил России и средств береговой защиты к моменту начала войны, чтобы затем перейти к очерку боевых действий, связанных с обороной Черноморского и Балтийского побережий.

Морские силы России к началу Крымской кампании состояли из двух флотов—Балтийского и Черноморского и отдельных флотилий: Дунайской, Камчатской, Каспийской и Архангельской.

Состояние рус-
ского флота
к 1854 году.

Русским Черноморскому и Балтийскому флотам не может быть дано общей характеристики (не только в рассматриваемое время, накануне Крымской войны, но и в последующий период, до Мировой войны включительно). Своеобразные географические и климатические условия морей, различие стратегических задач и обстановки, направлявшей подготовку, организацию и боевую деятельность, а в еще большей мере их изолированное положение, определили глубокое различие между обоими флотами. Пути развития их, с самого начала, не шли параллельно, отражая особенности обстановки, характерной для юга и севера России, и по разному реагируя на события, сопровождавшие общий ход русской истории последних лет.

Балтийский флот руководился непосредственно из Петербурга (Ленинграда). Он чутко воспринимал те взгляды, которые, в отношении вооруженных сил, складывались в кругах правительства. В частности, все характерные черты, присущие „никалаевскому режиму“ вообще, на Балтийском море находили тотчас и полное отражение. „Смотровая“ тенденция, сводящаяся к показной стороне без особых забот о существе дела, муштровка, постоянное „подлаживание“ к господствующим настроениям и пр.—все это содействовало тому, что на Балтийском флоте чрезвычайно быстро выветрились традиции, наличия которых можно было бы ожидать после ряда успешных боевых кампаний, начиная с петровского времени и кончая сравнительно недавней блестящей экспедицией Сениавина в Средиземное море.

В то же время, Черноморский флот, удаленный от Петербурга (Ленинграда), и в силу этого в меньшей степени, нежели Балтийский поддавшийся разлагающему влиянию вышеука-

занных тенденций, значительно дольше сохранил свою боевую школу, сложившуюся в период долгих войн с Турцией. Наконец, наличие определенной идеи, на которой воспитывался личный состав,—идеи борьбы за Босфор, предъявлявшей вполне реальные требования к организации и подготовке флота—много содействовало тому, что Черноморский флот, как боевая часть, в рассматриваемое время был несомненно выше Балтийского.

Но они оба были детищем своей эпохи. В стране, где развитие железных дорог считалось „делом по меньшей мере бесполезным“, ¹ которая, при своей технической отсталости, к тому же не проявляла, в лице своего правительства, нужной настойчивости и энергии в стремлении следить за развитием техники, особенно интенсивным в середине XIX века,—в этой стране флот не мог, в материальном смысле, быть на высоте. В России все еще считали парусные корабли основой боевой мощи, тогда как во Франции и Англии, в стане ее ближайших противников, в большом количестве строились паровые, а затем железные суда. Мы довольствовались примитивным оборудованием и вооружением кораблей, в то время как техника давала уже новые и могучие средства. Русское военное командование не учитывало того, что с каждым годом задержки и отставания вооруженные силы России, в особенности морские, все более теряли свое боевое значение.

Между тем, еще в 30-х годах русский флот представлял собой настолько внушительную силу, что вызывал опасения Англии, и это мнение о нем не рассеялось до начала Крымской войны, держалось и потом, пока, наконец, боевые операции не сорвали с него завесы и не обнаружили его полной технической несостоятельности.

Приводимая ниже сравнительная таблица сил русского и союзного флота характеризует отношение паровых и парусных судов и является показателем степени их технической „современности“. (См. табл., стр. 12).

Превосходство союзников в числе паровых судов, в особенности паровых линейных кораблей, давало им неисчислимые преимущества перед русским флотом. Парусные корабли в своих движениях были связаны зависимостью от ветра, паровые—могли свободно располагать своими курсами, а в бою выбирать такие положения, при которых первые не были даже в состоянии использовать своей артиллерии.

Суда Черноморского флота находились в относительной исправности. Частые и продолжительные крейсерства в море, выработавшаяся хорошая школа давали основание оценивать Черноморский флот, как парусный, на высоте.

¹ А. Зайончковский. Восточная война.

Морские силы России и коалиции в начале войны 1854—55 гг.

С у д а	Балтийское море		Черное море	
	Русский флот	Союзный флот	Русский флот	Союзный флот
Парусные суда.				
Линейные корабли .	24	14	15	14
Фрегаты	(+7 старых). 7	6	7	—
Гребные канонер- ские лодки . . .	26	—	—	—
Паровые судя.				
Линейные корабли .	—	14	—	—
Пароходы и паро- ходо-фрегаты . .	23	31	11	50 ¹

Совершенно другую картину, в этом отношении, представлял Балтийский флот. Всю зиму он стоял на Кронштадском рейде, несколько недель плавания не давали практики личному составу и не вызвали строгих требований к материальной части, которая была в крайне запущенном состоянии.

Во главе морского ведомства и его фактическим распорядителем в период более 20 лет, предшествовавших войне, был кн. Меншиков, оставивший о себе печальную память в истории флота России. Пользуясь исключительным доверием Николая I, он заботился более о том, чтобы флот „блестяще“ выступал на смотрах, но нисколько—о подлинной его боевой готовности. Разрушение Балтийского флота—дело непосредственно его рук. ²

Недостаток средств и дурное состояние материальной части создавали трудные условия для войны. Приниженная, скованная „николаевским“ режимом, воспитанная на смотрах и церемониях военная мысль лишала стратегию необходимого импульса. Личный состав в этой войне „честно“ исполнял свой долг, смело шел на смерть, но в нем не было, в особенности

¹ Колесные и винтовые, тогда как в составе русского флота были исключительно колесные.

² Разрушение русского флота в этот период не только дело рук Меншикова. Это характерно для всей государственной системы в целом. Меншиков лишь яркое отражение этой системы в области строительства морского флота.

Ред.

среди старших начальников, руководивших ответственными операциями, тех данных, которые только и могут быть созданы в процессе рационально поставленной подготовки к войне.

Слабость морских сил, при ограниченности их возможностей, предъявляла особо строгие требования к оборудованию театра—как для целей обороны в точном смысле этого слова, так и для обеспечения действий флота, нуждающегося в хорошо оборудованных и защищенных базах.

Состояние крепостной и береговой обороны России в Крымскую войну вполне соответствовало общему состоянию ее вооруженных сил, но здесь дефекты были еще глубже, техническая отсталость еще разительнее, организация—еще менее удовлетворительна.

К рассматриваемому моменту приморские крепости, как в отношении общего расположения их, так и в смысле оборудования каждой, являлись как бы наследственным наслоением, остатками, не слишком тщательно поддерживаемыми, от прежних времен. Большинство старых, утративших свое стратегическое значение крепостей не уничтожалось; они продолжали владеть существованием. Но при этом не поддерживались на уровне современности и важнейшие крепости, как служившие базами флота, так и прикрывавшие подступы к направлениям и имевшие крупное стратегическое значение.

В результате—большое количество крепостей создавало лишь иллюзию обороны, удовлетворяя только „показную“ тенденцию эпохи. Реклама была велика и в этом смысле имела даже боевое значение. Противник, при оценке нашей обороны, находился под некоторым ее влиянием. Но там, где развивались военные действия, где вопрос шел о действительной, а не показной боеспособности, там тотчас сказывались печальные последствия подлинного состояния крепостей. Они сказались прежде всего в решительном пункте кампании—в Севастополе.

На берегу Черного моря перед началом А. Черноморской кампании имелись следующие укрепленные пункты: укр. св. Николая, Пот, Редут-Кале, Анакрия, Сухум-Кале, Бомборы, Гагры, укр. св. Духа (Константиновское), ф. Навагинский, ф. Головинский, ф. Лазарев, ф. Вельяминовский, укр. Тенгинское, укр. Новотроицкое, Геленджик, Новороссийск, Анапа, Керчь, Севастополь, Очаков, Кинбурн, Одесса (сх. № 1).

Севастополь, служивший главной и единственной базой Черноморского флота, являлся крепостью, в собственном смысле этого слова, хотя вооружение и оборудование его оставляли ждать много лучшего (см. ниже). Прочие же, в большинстве, были в полузаброшенном состоянии и ни в какой мере не могли служить сколько-нибудь надежной защитой

пункта, где были расположены, или обеспечивать действия флота в их районе, давая частям последнего спокойную стоянку и снабжение.

Укрепления северо-западной части побережья совершенно не прикрывали двух важнейших направлений, вероятных для неприятельского десанта—на Одессу и Николаев.

Укрепления Одессы состояли из двух батарей, которые не в состоянии были оказать сопротивления при бомбардировании города союзниками (10 апреля 1854 г.), огнем которых они быстро были приведены к молчанию. Кинбурн, существовавший в том виде, в каком был укреплен еще Суворовым (1788 г.), и слабое Николаевское укрепление, единственное оставшееся из Очаковских укреплений, не составляли существенного препятствия для неприятеля.

Кавказский берег был укреплен рядом малых крепостей и батарей от Анапы до поста св. Николая, образовавших так наз. „Черноморскую береговую линию“. Последняя была оборудована не столько с целью защиты побережья, сколько с целью прекратить сообщения горцев Кавказа с морем и Турцией. Отдельные форты не имели между собой путей сообщения. Они были слабо вооружены, обладали малочисленным гарнизоном.

Слабость защиты Кавказского побережья ставила под угрозу противника важнейший стратегический пункт—Новороссийск, который мог служить для него хорошей базой при развитии военных действий в северо-восточном направлении и на Кавказе.

Флот не имел обеспеченной стоянки ни в одном пункте Кавказского побережья.

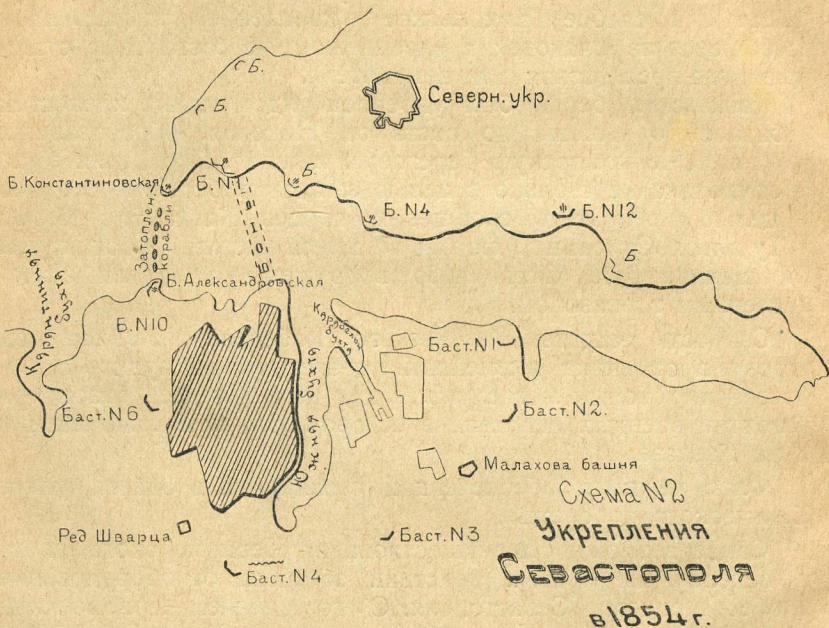
Самая возможность существования Черноморского флота и ведения им боевых действий зависела от оборудования и обеспеченности Севастополя. С его падением Черноморский флот лишался убежища и обрекался на гибель. Это вызвало особо строгие требования к укреплению, снабжению и оборудованию Севастополя.

Между тем, укрепления Севастополя не отвечали его ответственному назначению. Приморский фронт поддерживался в относительно приличном состоянии, имел 8 сравнительно сильных батарей, чему способствовал и характер берегов, трудно доступных со стороны моря.

Что же касается сухопутного фронта, то он почти не имел защиты, местность же была крайне неудобна для его обороны. Постройка новых укреплений была начата незадолго перед войной, но подвигалась крайне медленно и лишь энергией защитников Севастополя (Тотleben) была более или менее закончена уже после высадки союзников в Крыму. Сухопутные укрепления были сосредоточены, главным обра-

зом, на южной стороне, на северной же был лишь старый форт постройки еще 1818 года. (см. схему № 2).

Что касается Керчи, то „среди нашей высшей администрации господствовало убеждение, что Азовское море вполне обеспечено от вражеского нападения за мелководностью Керченского пролива, который позволяет войти в Азовское море только мелко сидящим пароходам. Лишь во время войны был принят ряд запоздалых мер к усилению этих важных пунктов“ (Зайончковский. „Вост. война“. 1). Перед войной старые укрепления в районе Керченского пролива были

упразднены. Таким образом, для противника оставалось открытым и это направление.

К общим недостаткам крепостей надлежит отнести малочисленность гарнизона, что в случае атаки противника сводило к ничтожным возможностям их оборону.

Этот недостаток был присущ также и главной крепости—Севастополю, сухопутный гарнизон которого насчитывал около 9.000 чел., что было совершенно недостаточно для обороны.

Таким образом, крепостное оборудование Черноморского театра не давало сколько-нибудь прочного обеспечения обороне берегов ни в одном из важнейших пунктов, даже—главной базы флота—Севастополя. Последнее должно было тяжело сказаться на операциях флота: „все действия в открытом море вдали от Севастополя парализовались висевшей

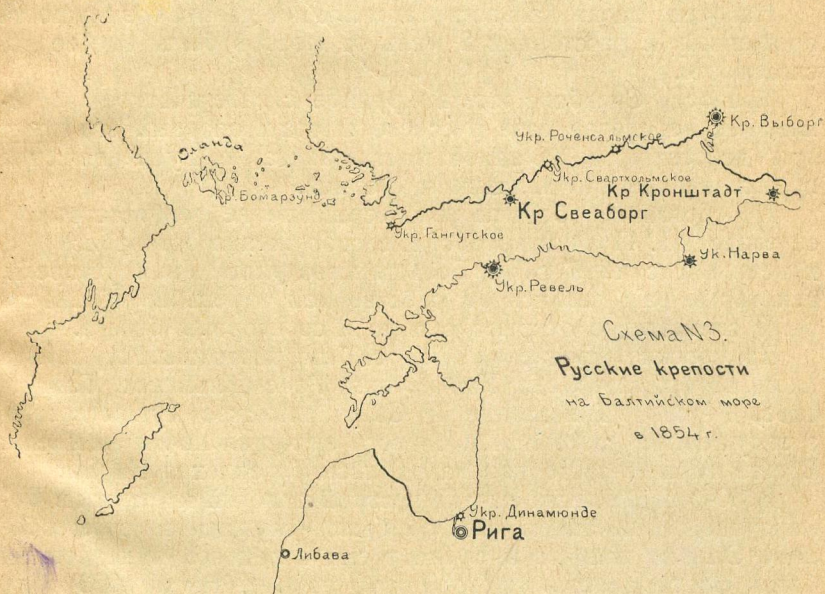
над флотом опасностью быть отрезанным от своего единственного порта убежища¹.

Эта необеспеченность берегов, в частности базы, влекла за собой два важных следствия.

1) Приковывала центр тяжести оперативной мысли флота к берегам, важные пункты которых не имели достаточной местной защиты.

2) Флоту пришлось во время войны отдать часть своих ресурсов и вооружения нуждавшемуся в том берегу.

На Балтийском море в 1853 г. существовали следующие укрепленные пункты: крепости—Кронштадт, Свеаборг, Выборг и Бомарзунд; укрепления—Роченсальмское, Свартхольмское, Гангутское, Ревель, Рига с Динамюнде, Нарва; при чем все, за исклю-

чением Кронштадта и Бомарзунда, приблизительно в том же состоянии, что и крепости Черного моря.

Главной базой флота был Кронштадт. Его укрепления состояли из двух линий: в первой линии не вполне законченные форты „Павел“ и „Александр“, во второй — „Петр“ и „Кроншлот“, „Меньшиков“—более старой постройки, наконец, укрепления на стене Купеческой гавани.

¹ Лихачев. „Очерк действий Черноморского флота в войну 1853—54 г.г.“ Воен. Сб. 1902 г.

Несмотря на то, что форты Кронштадта во время войны были приведены в надлежащее для обороны состояние, артиллерия их усилена, инженерные работы закончены и пр., общий план крепости оставлял существеннейшие пробелы.

С северной стороны крепость не была обеспечена от прорыва неприятеля, так как господствовало мнение, что северный фарватер непроходим для больших судов; в действительности же глубины это позволяли. Промеров и соответствующих исследований произведено не было. Таким образом, противник мог обойти Кронштадт с севера, не будучи поражаем огнем.

Кроме того, между фортами Кронштадта и Ораниенбаумским берегом оставалось 5-верстное пространство, не покрываемое огнем первых. Этим направлением неприятель мог также воспользоваться для прорыва.

Наконец, малая дальность артиллерии давала возможность противнику в расстоянии 2 миль от фортов быть вне ее досягаемости.

Крепость Свеаборг имела крупное стратегическое значение, как передовая база русского флота и опорный его пункт при действиях в западной части залива, на пути движения противника по направлению к столице.

Но состояние обороны ее совершенно не соответствовало ее значению. План и крепостные сооружения оставались неизменными с 1809 года. Большинство укреплений устарели, некоторые разрушались от собственной стрельбы. Крепость была совершенно открыта с тыла и со стороны берега.

Приморские укрепления Выборга были ничтожны. Их усилили лишь во время войны. Укрепления Роченсальмское, Гангутское, Ревеля, Динамюнде и Свартхольмское существовали в запущенном состоянии и боевого значения почти не имели. В еще худшем состоянии находились укрепления Нарвы.

В 30-х годах была начата постройка новой крепости в Бомарзунде, назначением которой было—служить оплотом обороне Оланда, являясь в то же время передовой маневренной базой флота, действующего в этом районе. Но к 1853 году эти укрепления были далеко не закончены. „Они явились на суд истории двадцать три года спустя, в размере только одной пятой проектированной в 1831 году, без всякого применения к новым данным артиллерийской техники и при обстоятельствах, уничтожавших возможность активного действия флота“...¹

Таким образом, общая картина береговых укреплений Балтийского моря не являлась отличной от таковой же на Черном море. Как тут, так и там их инженерное оборудование не могло служить сколько-нибудь прочной базой ни для дей-

¹ Зайончковский—Восточная война, т. I.

ствия флота и армии, ни, наконец, оказать прочное сопротивление противнику в месте, ими прикрываемом. Не были исключением ни Кронштадт, ни Севастополь.

Большое количество крепостей, при слабости вооружения и оборудования, при систематическом урезывании кредитов на их усиление, при недостатке гарнизонов и пр., приводило к тому, что реальная боевая деятельность при такой обороне была фактически ничтожна.

Следующим элементом обороны является Русская армия перед Крымской войной. армия, способная противодействовать противнику на побережьях, при высадке десанта и дальнейших его операциях на территории страны.

Россия в кампанию 1854—55 г.г. обладала армией в составе около 1.200.000 бойцов, которая по численности своей представляла громадную по тому времени силу. В отношении же вооружения, снабжения и в особенности боевой подготовки русская армия Николаевской эпохи несомненно, так же как и флот, не была на высоте современных требований¹.

Но каково бы ни было состояние армии, численный состав ее давал возможность осуществить крупное сосредоточение в решающем направлении,

При угрозе побережью, армия могла, будучи сосредоточенной к угрожаемому пункту, ликвидировать высадку противника, по крайней мере в пределах, кои были мыслимы для десантных экспедиций тех времен вообще.

Однако, состояние путей сообщения в России не давало к тому быстрых возможностей. Железных дорог было всего 979 верст, а шоссейные дороги получили преимущественное развитие в Привислинском крае; от столиц—шоссе доходило

¹ Куропаткин, в „Итогах войны“, так характеризует состояние армии перед Крымской войной: „После успешных войн начала XIX столетия армия наша, по отношению к выучке и вооружению, пошла не вперед, а назад. Аракчеевский взгляд на службу глубоко проник во все слои армии. Особенно был слаб старший начальствующий персонал. О том, что армия назначается для войны, было забыто. Показная сторона взяла верх над сущностью. Ружейные приемы и церемониальный марш были поставлены выше всего. Наилучшим показателем взглядов той эпохи на нашу боевую силу служат несомненные факты подскобки и подпиливания, с разрешения начальства, разных частей в ружье (гаек и шомполов), чтобы при ружейных приемах получался дружный звук тысячи ружей, приятно ласкавший ухо начальников того времени. Начавшееся в России после Наполеоновских войн освободительное движение, проникшее в ряды армии, сменилось административным гнетом, тяжело отразившимся на всех вилах деятельности в России, на всех сословиях, в том числе и на военном.

„Вся Россия облеклась как бы в мундир, застегнутый на все пуговицы и вытянутый в струнку. Россия, а с ней и армия, могли говорить только „слушаюсь“, „так точно“ и „все благополучно“... Всякое проявление в армии инициативы, не по команде, было карается...“

„Но и в материальном отношении мы отстали от европейских армий. Очевидно, что при взгляде на ружье, как на средство производить шумные ружейные приемы, мы не спешили с перевооружением армии“...

только до Орла, а далее—шли грунтовые дороги. При таких сообщениях было трудно успеть перебросить войска; они могли подходить несоразмерно медленно, сравнительно с темпом возможного развития десантных операций противника.

Тем большая предусмотрительность должна была быть проявлена в дислокации войск. Однако, даже тогда, когда определилось главное направление и грозила высадка на Крым, дислокация русских войск не выходила из схемы кордона, растянутого от Торнео до берегов Черного моря.

Описанные выше данные характеризуют, в общих чертах, стратегическое развертывание сил России с точки зрения обороны побережья. Для уяснения картины развертывания необходимо бросить общий взгляд на планы этой обороны, какими они сложились к моменту определившейся угрозы побережью.¹

Планы флота. Основной идеей русской морской стратегии к половине XIX века—было обеспечение выходов из Черного и Балтийского морей в океан. В первом оно не мыслилось иначе, как в виде захвата Босфора, во втором—выражалось в стремлении подчинить Данию нашей политике, осуществив контроль проливов.

Первоначальный план войны на Черном море предусматривал высадку десанта на Босфор и занятие Константинополя. По этому плану в течении ряда лет велась подготовка Черноморского флота.

В конце декабря 1852 года, ввиду осложнившейся политической обстановки на Ближнем Востоке на почве столкновения интересов Турции, Франции и Англии с одной стороны, России—с другой, последняя была принуждена принять подготовительные меры на случай войны, в виде приведения в боевую готовность двух корпусов и Черноморского флота.

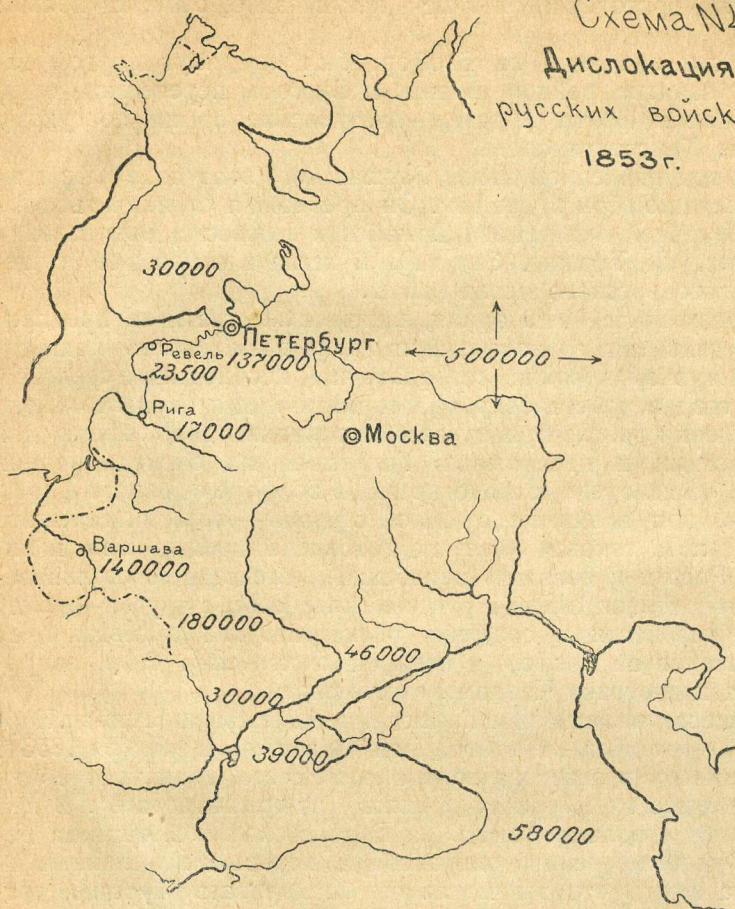
Целью военных действий Николай I поставил—„нанесение неожиданного, решительного удара, посредством сильной экспедиции в Босфор и Царьград, не давая опомниться туркам или вмешаться Англии“.

В то же время было приказано готовить в Одессе и Севастополе десант, в первую очередь которого должны были войти две пехотные дивизии (13 и 14) с артиллерией, сапер-

¹ В августе 1854 года расположение наших войск на всем театре было следующее: более 200.000 для обороны Балтийского побережья (137.000 под Петербургом, около 30.000 в Финляндии, 23.500 в Ревеле и 17.000 под Ригой); 140.000 в Царстве Польском, около 180.000 в Дунайской армии и Бессарабии; более 30.000 для охраны северо-западного побережья Черного моря, от устья Дуная до Крыма; 39.000 в Крыму; около 46.000 для охраны побережья Азовского моря, восточного берега Черного моря и по северную сторону Кавказского хребта; 5.400 на малоазиатском театре и около 500.000 внутри. В общем итоге—более 1.250.000 и из них на решительных участках театра войны: на главном—39.000, второстепенном—54.000 (Леер, Стратегия, ч. III стр. 171). (См. сх. № 4).

ными частями и казаками. Операция должна была заключаться в прорыве флота с десантом в Босфор к самому Константинополю, с требованием немедленной сдачи и бомбардированием, в случае отказа. Для предотвращения же

Схема №4.
Дислокация
русских войск в
1853 г.

возможности появления иностранных флотов считалось необходимым немедленно занять и Дарданеллы.

В январе 1853 года выехало в Турцию чрезвычайное посольство с Меньшиковым во главе, которому, в случае неуспеха переговоров, было предположено поручить выполнение десантной операции. В состав свиты Меньшикова входили морские и сухопутные офицеры (в том числе и адмирал Корнилов), имевшие задачей всестороннее ознакомление

с местностью, условиями прорыва флота и высадки десанта в Босфоре.

Однако, Меншиков, дипломатическая миссия которого успехом не увенчалась, не считал выполнимой Босфорскую операцию, указывая на трудности, которые должны были встретить войска при высадке, и убедил Николая I отказаться от нее, хотя приготовления к ней, как сказано, были на полном ходу.

Вместо операции на Босфор, был выдвинут другой вариант: занятие рейдов Варны и Бургаса, перенесение сюда базирования флота, и затем—наступление армии по сухому пути на Константинополь.

Но под давлением князя Варшавского этот план был признан слишком рискованным. Он предложил ограничиться демонстративной оккупацией Дунайских княжеств, для оказания давления на Турцию. Эта идея и легла в основание осуществленного русского плана войны.

В результате наша армия, заняв княжества и не предпринимая дальнейшего наступления, дала возможность подготовиться туркам к войне, сосредоточить необходимые средства, и это создало обстановку, благоприятную для окончательного оформления англо-французской коалиции, дало время для организации и перевозки в Галлиполи их экспедиционной армии, и, наконец, сосредоточения в Босфоре союзного флота.

Так, под влиянием с одной стороны—желания избежать войны, хотя таковая была подготовлена предыдущей политикой России и являлась неизбежным следствием столкновения англо-французских и русских интересов, с другой—в силу нерешительности и опасения риска, потухла активная идея наступления на Босфор, к которой фактически была направлена подготовка Черноморского флота.

Существовал еще один проект, принадлежавший ген.-ад. Корнилову,—изложенный в поданной им записке 1 октября 1853 г. Меншикову в ответ на вопрос последнего, „как употребить в настоящее время флот, и можно ли крейсировать“. В ней Корнилов предлагал занять на Европейском и Азиатском берегах удобные рейды, опираясь на которые выделенные из состава флота отряды могли бы блокировать Турцию, прекратив ее морские сообщения. Такими рейдами, по мнению Корнилова, могли служить Сизополь и Синоп. Однако, проект этот не был приведен в исполнение.

Черноморскому флоту уже не ставились задачи характера наступательного, и вообще его боевое назначение утратило свою ясность.

Черноморский флот воспитывался на наступательных тенденциях. Теперь же ему ставились задания противоположного смысла. Способов ведения боевых операций в такой обстановке тоже не было разработано, планомерной подготовки

к ним не велось. Ресурсы флота и береговой обороны не соответствовали трудности задачи—противостоять сильнейшему и располагающему оперативной инициативой неприятелю.

В таком положении мы застаем русское командование в момент начала кампании.

Таким образом, в предпосылках планового характера необходимо отметить условия, которые имели большое значение на ход самой кампании,—и прежде всего, отказ от широкого активного использования морских сил для радикального решения вопроса обороны, путем занятия проливов, и обращение их деятельности на местную оборону побережья.

После разрыва дипломатических сношений с Турцией и приведения Черноморского флота в боевую готовность, последний был сосредоточен в Севастополе, имея в море два наблюдательных отряда. Первый, в составе 5-й дивизии флота под командой в-ад. Нахимова—в крейсерстве у Херсонесского маяка, с выделением 2 фрегатов и 3 брига для установления линии наблюдения у Босфора; второй отряд у восточного берега Черного моря, с базой на Сухум—для наблюдения за Батумом и окрестным пограничным районом. В середине июля, вследствие появления в море турецких судов, брига были убраны, фрегаты же придвинуты к Босфору.¹

Несмотря на то, что турки уже 11 октября начали военные действия, обстреляв нашу флотилию на Дунае, а в ночь с 15 на 16 октября ими был вырезан гарнизон укр. св. Николая (на кавказской укрепленной линии),—по повелению Николая I, военных действий было приказано не производить, и только 1 ноября был объявлен манифест об объявлении войны. Правительство рассчитывало на проблематичную возможность избежать войны, хотя с каждым днем промедления стратегическое положение все ухудшалось.

5 ноября Нахимов получил приказание крейсировать между Анатолийским берегом и Севастополем. Эскадра его, в составе 4 линейных кораблей, 1 фрегата и 1 брига, вышла из Севастополя 11 октября. 19-го к ней присоединился пароход (Бессарабия), привезший известия о начале турками военных действий. С тех пор и до 18 ноября (дня Синопского боя), несмотря на жестокие осенние штормы, адмирал

¹ В это время русское командование уже отказалось от экспедиции на Босфор. Между тем, Черноморский флот имел случай показать, в какой мере он был подготовлен для выполнения десантных операций. Ему была дана задача перевести из Севастополя в Сухум 13 пех. дивизию (16.000 чел., 2 батареи с обозом). В 10 дней войска были погружены, перевезены и высажены на берег в порядке выполнения операции.

Нахимов не покидал своего поста, в его эскадре сменялись только суда, потерпевшие аварии.¹

Нахимов выдержал у берегов Анатолии 8 ноября шторм, от которого два корабля и один фрегат, вследствие полученных повреждений, должны были отправиться в Севастополь. Турецкая эскадра, обнаруженная им в Синопе, состояла из 7 фрегатов, 3 корветов и 2 пароходов, стоявших под защитой батарей. Решив ждать подкреплений из Севастополя, Нахимов блокировал Синоп. 16 ноября к нему присоединились 2 корабля Новосильского, и 18-го он атаковал турок, уничтожив их отряд, за исключением одного парохода, успевшего спастись. Он разбил турок раньше, чем к нему подошло подкрепление из Севастополя, в составе вышедших на соединение 3 линейных кораблей, и до прихода Корнилова, который спешил к Синопу с тремя пароходами.

20 ноября в Константинополе было получено известие об уничтожении в Синопе турецкой эскадры. Оно там произвело чрезвычайное впечатление. Флот союзников в это время стоял в Бейкосской бухте (в Босфоре), готовый ко всяким случаям, хотя война была объявлена только между Россией и Турцией. Немедленно были направлены в Синоп английские и французские пароходы для помощи раненым туркам. 23 декабря, на основании приказаний, полученных союзными адмиралами от своих правительств, англо-французская эскадра вышла в Черное море, имея целью воспрепятствовать „всем дальнейшим покушениям Русского флота против турецких владений и турецкого флага.

С вступлением союзного флота в Черное море, крейсерства русских судов, в отдаленной части моря, прекратились из-за опасения быть отрезанными; и Черноморский флот держал лишь наблюдательную службу непосредственно вблизи Севастополя.

Союзный флот в составе 30 судов (17 парусных и 13 паровых), пройдя Босфор, направился к Синопу, где к нему

¹ С уходом Нахимова в крейсерство, в Севастополе флот был организован в 3 эскадры: 2 парусных корабельных под командой Новосильского и Вульфа и 1 пароходная Панфилова, для рекогносцировок в море.

20 октября Корнилов с 3 пароходами выходил на рекогносцировку к Румелийскому берегу; не обнаружив неприятеля, 2 парохода отослал в Севастополь; приблизившись на одном к Босфору, он увидел турецкую эскадру, входившую туда. Тогда Корнилов вернулся в Севастополь и 29 октября с эскадрой в составе 6 кораблей и парохода „Владимир“ вышел в море. Продержавшись до 4 ноября при бурной погоде и не встретив неприятеля, он узнал от встреченных судов, что турки в Босфоре. Тогда Корнилов послал 2 корабля на соединение к Нахимову, сам пересел на „Владимира“ и один отправился на рекогносцировку. Он встретил вооруженный пароход „Перваз-Бахри“, вступил с ним в бой, взял в плен и привел в Севастополь.

Крейсерство Корнилова, фактически являвшегося главнокомандующим флотом, когда он, оставив флот, гонится за отдельным пароходом, показательно для самого Корнилова и для организации командования.

присоединились еще 5 турецких кораблей. В тот же день один пароходо-фрегат был отправлен в Севастополь с письмом, в котором официально сообщалось русскому флоту о вступлении в Черное море союзной эскадры; другим поручением фрегата было — произвести разведку Севастополя, воспользовавшись своим положением парламентаря.

Вывод, который был сделан союзным командованием на основании разведки Севастополя, сводился к тому, что Севастополь недоступен атаке с моря открытой силой. „Вследствие этого обстоятельства ни разу во все продолжение кампании у союзников не возникала мысль форсировать вход на Севастопольский рейд прежде взятия с сухого пути укреплений Северной или Южной стороны“.¹

Союзный флот не встретил противника, и в январе (10-го) вернулся на прежнюю стоянку в Босфор, в Бейкосскую бухту. Союзники начали укрепление Босфора, повидимому рассчитывая, что русские приступят к активным действиям против Константинополя.

Среди оперативных предположений союзников, обращает на себя внимание проект (Бю Вильоме) заграждения Севастополя кораблями, наполненными камнем, для преграждения выхода русскому флоту из порта. Проект этот не был осуществлен, но он является показательным, насколько союзники сами опасались выхода Черноморского флота, а также для оценки последующего факта его затопления собственным командованием в октябре того же года.

Ограничившись пока только разведочными крейсерствами портов, союзники оставались в Бейкосе до тех пор, пока опасное положение турецкой армии на Дунае не вынудило их перейти сначала в Варну, а затем в бухту Балчик (в 4 милях от нее), где и застало их объявление войны.

В апреле союзная эскадра бомбардировала Одессу, после чего, в течение целого месяца, союзные суда крейсировали у западных берегов Крыма, из них 10 дней в районе Севастополя, приходя даже на вид его.

8 мая союзники вновь водворились в Балчике. К этому времени у них созрело решение оказать содействие турецкой армии высылкой экспедиционного корпуса и приступить к перевозке войск из Босфора в Варну. Для этого были привлечены все суда их флота, которые в течение всего времени переброски десанта были разделены отдельными отрядами между Варной и Босфором. Для прикрытия перевозки был выслан к Севастополю наблюдательный отряд из трех пароходо-фрегатов.

13 июня русские войска ушли за Дунай, очистив занятые ими в начале войны территории, и для союзной

¹ Лихачев. „Очерк действий Черноморского флота в 1853—54 г.г.“.

экспедиционной армии не было более объекта действий на сухом пути. Тогда было решено высадить десант в Крым для осады Севастополя и разгрома нашего Черноморского флота.¹

Таков схематический очерк событий до решения начать десантную операцию на Крым и предпринять осаду Севастополя. Этот период кампании характерен тем, что прямой угрозы еще не было нашему побережью, так как боевые действия протекали на другом направлении, русский флот был свободен для активных операций, и объект таких операций был налицо—союзный флот.

Последний не раз дробил свои силы, занимался конвоированием транспортов и перевозкой войск, крейсировал отдельными операциями, выполняя случайные задачи.

Что же делал в это время русский флот и каковы были его намерения?

Внимание русского командования было приковано к Севастополю, в ожидании нападения союзников. Все корабли были стянуты сюда, организовывалась служба охраны рейда, причем флот принял участие в организации общей обороны крепости. Изредка высылались в поиски пароходно-фрегаты, и то, не выходя далеко в море, придерживались района близкого к Севастополю.

В море никакой разведки не велось, вследствие чего о неприятеле ничего определенного известно не было, и русское командование довольствовалось собственными предположениями, каковые сводились, как сказано, к ожиданию атаки на Севастополь.

„Таким образом“—пишет историк (Лихачев), „за весь период с декабря 1853 года до половины марта 1854 года наша Черноморская эскадра почти в полном составе находилась безвыходно в Севастополе. Не предпринималось ничего в открытом море, но в самом Севастополе—усиленно рабо-

¹ Леер так описывает этот момент: „Едва было окончено сосредоточение союзных сил в Варне, как избранный ими объект исчез. Русская армия ушла за Дунай. Между тем в лагере союзников появилась холера, завезенная из Марселя. Бездеятельность в 60 верстах от Дуная, сама по себе, уже производила тяжелое положение на войска. Дальнейшее бездействие могло бы только способствовать развитию болезненности и привести к полной деморализации войск, да и, наконец, трехмесячная подготовка к открытию кампании не могла же выразиться в ничегонеделании. Во что бы то ни стало необходимо было обратиться к деятельности. Все это вызвало несчастную по своим последствиям экспедицию Эспинасса в Добруджу. Таково было решение, принятое в главной квартире союзной армии в Варне. В то же время, и по тем же побуждениям, в Париже, в кабинете Наполеона III созрел другой план, именно: высадка в Крым, разгром Севастополя и нашего Черноморского флота, план, исполнение которого могло принести пользу разве только англичанам“.

Леер—Стратегия, ч. III.

тали, насыпались новые батареи, производили смотры, ученья, тревоги, писались диспозиции, приказы, инструкции, правила...¹ В этих инструкциях, однако, не было указаний на возможность выхода нашему флоту навстречу противнику, в открытое море.

10 апреля союзная эскадра бомбардировала Одессу, а 16-го оказалась в виду у Севастополя и крейсировала невдалеке от него в течение 10 дней. 26 апреля от нее отделилась небольшая эскадра в 9 кораблей для осмотра Феодосии и Кавказских берегов. Оставшиеся суда продолжали крейсерство вблизи Севастополя, в составе 18 судов. Русский флот мог рассчитывать с успехом атаковать остающуюся у Севастополя часть сил противника, которая лишь незначительно превосходила его; и у русских было то преимущество, что бой произошел бы непосредственно вблизи базы, и даже в случае неудачи, они могли легко отойти. Ветер вполне благоприятствовал как выходу, так и возвращению флота в Севастополь. Стояли все время туманы. Один английский пароход в тумане сел на мель у Одессы и принужден был сдаться. Союзные суда часто разделялись туманом. Обстановка была благоприятная для боя русского флота,—но он не вышел.

С прояснением погоды союзная эскадра вернулась в Балчик.

Таким образом, русскими был упущен редкий случай благоприятной обстановки (сравни с положением в Порт-Артуре 2—10 мая 1904 г., глава 2).

Тем временем союзниками велась подготовка десанта в Крым. Для высадки была назначена армия в 57.000 человек. Судовые средства состояли из 356 разного рода судов, в том числе 89 военных. Посадка началась в Балчике и Варне 24 августа.

Для выяснения точного места высадки десанта на четырех пароходах отправилась комиссия союзных адмиралов, которой после осмотра берегов было решено: „высадить войска в местности, лежащей между рекой Альмой и Евпаторией, заняв Евпаторию в день высадки небольшим отрядом войск, а затем, через три или четыре дня после высадки, двинуть армию на юг по берегу, вдоль которого направить эскадру из 15 пароходов, которые, обеспечивая правый фланг наступления, в то же время снабжали бы армию продовольствием...“

Выход и плавание десанта начались при вполне благоприятных условиях. Но 30 августа подул сильный норд-ост, замедлявший движение и препятствовавший судам держаться вместе. Только к вечеру 1 сентября, когда ветер стих, удалось собрать все корабли близ Евпатории у Тарханкутского маяка. 2 сентября началась высадка войск.

¹ Лихачев.—„Очерк действий Черноморского флота в 1853—54 г.г.“.

Критический момент подхода и высадки был усмотрен русскими и, казалось бы, должен был вызвать русское командование на решительные шаги.

„1 сентября была усмотрена многочисленная неприятельская эскадра, приблизительно в 70 судов, направлявшаяся к Тарханкуту. Адмирал Нахимов поднял сигнал „приготовиться к походу“. Свежий с порывами ветер менялся в бухте от N к NO, а в море, повидимому, дул NW. В обоих случаях он был противен для следования в Евпаторию. Вечером ветер затих и всю ночь продолжалось безветрие. 2 сентября весь день был штиль; вечером погода нахмурилась и в 10-м часу задул тихий западный ветер, к полночи он засвежел и дул с порывами и дождем до 4 часов утра; затем опять заштилело, и безветрие, прерываемое иногда тихими морскими ветрами, продолжалось до 8 сентября. Вот те причины, по которым наш флот не двинулся из Севастополя во время перехода неприятельских судов из Варны в Евпаторию и в дни производства высадки, т.е. в те моменты, когда атака нашего флота могла иметь некоторые шансы на успех. По окончании же высадки, условия борьбы нашего флота с союзным в открытом море были бы слишком неравны, вследствие подавляющего численного перевеса последнего...“¹

Вот где сказалась техническая отсталость русского флота, отсутствие в его составе паровых линейных кораблей.

Когда определилось место высадки, Меншиков, признавая невозможным атаковать неприятеля на низком берегу, обстреливаемом по всем направлениям из орудий флота, сосредоточил большую часть своих войск на позиции у р. Альмы, преграждавшей доступ к Севастополю (всего около 35.000 человек).

К этому времени уже флот передал часть своих экипажей на берег, и... „... уже тогда главное внимание Корнилова было обращено на сухопутную оборону, так как флот, выделив из состава своих экипажей почти половину в десантные отряды, не мог уже находиться в полной готовности к выходу в море, даже, если бы к этому и представились вполне благоприятные условия“.¹

8 сентября произошло Альминское сражение, в результате которого наши войска, понеся тяжелые потери, отступили к Севастополю.

9 сентября Корниловым был собран военный совет, на котором он предложил атаковать столпившийся в беспорядке у м. Лукула неприятельский флот, схватившись с ними на abordаж, „взрываясь, но—погибнув—погубить и неприятельский флот, лишив тем армию подвоза снабжения и подкреплений, лишив ее связи с базой.“² Но лишь немногие отдель-

¹ Лихачев—„Очерк действий Черноморского флота 1853—1854 г.г.“

² Лебедев—„Флот в царствование Николая I“.

ные голоса высказались за атаку неприятельского флота; большинство же склонялось к мысли затопить старейшие корабли на фарватере и обратить флотские экипажи на усиление гарнизона, к мысли, уже давно обсуждавшейся отдельными лицами в Севастополе. Окончательного решения не было принято. Корнилов приказал: „Готовьтесь к выходу, будет дан сигнал, кому что делать“.

По докладе результатов совещания Меншикову, было решено поставить 10 новых кораблей таким образом, чтобы можно было обстреливать северную сторону, в случае занятия ее неприятелем, а 7 старых судов приготовить к затоплению при входе в бухту. 10 сентября эти корабли были затоплены. Команды и орудия были переданы на сухопутный фронт. Прочие корабли также разоружались. Позже во время осады Севастополя и оставшиеся на плаву суда эскадры были также затоплены.

Черноморский флот закончил свое существование. Дальнейшие действия русских ограничились обороной с сухого пути.

Не опасаясь более русского флота, неприятель употребил большую часть своих паровых судов для установления правильных сношений с Константинополем и Варной. В мае 1855 года союзные флоты могли безнаказанно выделить из своего состава 57 разного рода судов для экспедиции в Керчь и Азовское море. Это же позволило и им часть орудий передать в армию, увеличив число осадной артиллерии—столь необходимыми ей—тяжелыми орудиями.

Стратегические последствия отказа русских от использования флота в море и его затопления—были чрезвычайны. Союзники могли спокойно, не опасаясь за свои сообщения с тылом, развивать свои дальнейшие операции.

Чем же оправдывалась такая мера, почему флот оказался или считал себя в столь безвыходном положении, что решил уничтожить себя, и какова польза, которую он этим принес обороне?

Главным обстоятельством, побудившим принять такое решение, было отсутствие другого, кроме Севастополя, оборудованного порта-базы. Флот не мог поставить себе целью прорыв блокады (он имел эту возможность), так как вне Севастополя ему негде было базироваться, ибо другие рейды не имели почти совершенно крепостной защиты и не могли ему служить базой. Судьба флота, независимо от его действий, связывалась с Севастополем.

Укрепления последнего, как мы уже указывали выше, были слабы и, в особенности, сухопутный фронт. Основным недостатком Севастополя была малочисленность гарнизона, насчитывавшего (после отхода армии Меншикова к Бахчисараю) около 9.000 человек. Несоразмерность этого гарнизона с про-

тяжением оборонительной линии—была очевидна. Без 10.000 человек матросов, снятых из экипажей предназначенных к затоплению и потом затопленных старых судов, оборона Севастополя была просто невозможна. Это побудило морское командование отдать команду на берег. Кроме упомянутых 10.000 на флоте было еще 17.000 чел. команды, составлявшей экипажи лучших кораблей. Они также пошли на усиление гарнизона, хотя этой ценой флот переставал быть боеспособным.

Таким образом, первая причина затопления—необходимость усиления крепости, оказавшейся в решительный момент неспособной противостоять неприятелю. Указанная причина, при сознании необходимости держать флот в готовности к выходу в море, могла быть устранена, хотя бы усилением гарнизона из состава армии Меншикова, уступавшей высаженному противнику, но могшей отделить от себя на решительный пункт, каковым представлялся Севастополь, необходимое число людей и тем избежать разоружения флота. Этого сделано не было.

Вторая причина—слабость наших морских сил и неудачное командование.

Мы уже видели, что Черноморский флот, еще до начала осады, упустил возможность дать бой в сравнительно благоприятных для себя условиях. Это было тогда, когда силы противников не слишком разнились, хотя преимущество в паровых судах было на стороне союзников. Но затем морские силы неприятеля получили значительное подкрепление, и после высадки у Евпатории эскадры союзников были настолько усилены, что соединенный англо-французско-турецкий флот уже имел подавляющее численное и качественное преимущество над нашим (у неприятеля—89 судов, в том числе 50 пароходов, у нас—45 судов и только 11 пароходов). В этих условиях бой в открытом море с соединенными силами противника не мог иметь надежды на успех.

Однако, возможности противника несомненно были переоценены. Крупное его преимущество в силах не давало основания командованию предполагать вероятия прорыва противника на рейд. При этом недооценивалось сопротивление, каковое представлял собой сравнительно хорошо оборудованный приморский фронт, могший сосредоточить до 500 орудий по прорывавшемуся неприятелю и, кроме того, артиллерию кораблей. Такая задача для противника не могла бы быть успешна, да союзники и не предполагали ее.¹

¹ „Корнилов горячо протестовал против затопления. Когда Меншиков отдал приказание заградить фарватер, Корнилов возразил, что он этого не сделает. Рассерженный его настойчивым противоречием, Меншиков сказал: „Ну, так поезжайте в Николаев, к своему месту службы“, и приказал своему ординарцу позвать вице-адмирала Станюковича, чтобы ему отдать при-

Вопрос о том, поскольку целесообразно было затопление флота и насколько оправдывалось оно событиями, долгое время служил предметом споров исследователей. Некоторые считали затопление флота чуть что не преступлением, другие, наоборот, видели в том акт необходимости и, наконец, третьи (Лихачев) доказывали, что достаточно было приготовить к утоплению старые корабли, действующие же—использовать.

Однако, нельзя не видеть, что затопление Черноморского флота не было решено вдруг. Сопоставляя события, ему предшествовавшие, а именно: отсутствие разведки в море, вследствие чего противник мог выполнять свои подготовительные операции без какого бы то ни было наблюдения со стороны русских; пассивную стоянку нашего флота после Синопского сражения и сосредоточенное внимание к местной обороне Севастополя; упущенные возможности атаки неприятеля в море и, наконец, отсутствие определенных заданий к флоту после того, как главная идея, для которой он готовился—Босфорская операция,—отпала; непонимание задач флота главнокомандующим Меншиковым, который, несмотря на долгую службу в морском ведомстве, так до конца остался чужд ему,—все это звенья цепи событий, логически приведших Черноморский флот к „самоубийству“, по выражению Корнилова.

А между тем, при ином руководстве флотом, при понимании его задач, как средства прежде всего активного, мы видели бы иной ход морской кампании, столь удачно начатой боем при Синопе. Даже в том случае, если бы противник высадился беспрепятственно, флот, сохранивший за собой свободу действий, не дал бы ему возможности спокойно развить свои операции непосредственно вблизи Севастополя. Противник не мог бы считать в безопасности свои морские пути сообщения, от которых зависела, в полном смысле слова, сама жизнь экспедиционного союзного корпуса. Наш флот обязал бы флот союзников постоянно держать тесную блокаду и, во всяком случае, затруднил бы их операции в прибрежной зоне. Наконец, он мог бы пользоваться обстановкой и бить противника по частям.

Может быть, лишь малая доля этих предположений оказалась бы фактически осуществимой, но даже в этой доле она значительно облегчила бы участь Севастополя.

Флот отдал в крепость весь свой личный состав, с несомненно выдающимися адмиралами—Корниловым и Нахимовым. Оборона Севастополя представляет эпопею боевых подвигов

казание. „Остановитесь,—вскричал Корнилов,—это самоубийство, то, к чему вы принуждаете меня... но, чтобы не оставить Севастополь, окруженный неприятелем... я готов повиноваться вам“. (А. Лебедев—„Русский флот в царствование Николая I“).

высочайшей ценности в военно-моральном отношении. Здесь сражались герои, поставленные в самые трудные, самые неблагоприятные условия обороны. Нахимов, Корнилов, Истомин, а с ними и масса рядового состава матросов—цвет Черноморского флота—пали в первых рядах, отстаивая Севастополь.

Но жертвы эти остались без пользы. Они дают нам только основание заключить о высоких качествах личного состава Черноморского флота. Но последние были проявлены не там, где они могли бы принести полные и плодотворные результаты, не в открытом море, победа на котором знаменовала бы успех всей кампании, а в обороне крепостных верков, где победа была уже невозможна...

Мы не будем описывать ход осады, а равно и действия сухопутной Крымской армии. Неудачи последней в боях при Альме, Балаклаве, Инкермане и Черной не облегчили участи Севастополя. После упорной 11-месячной осады он пал, и гарнизон был принужден оставить его. Этим, собственно, решился исход войны.

Экспедиция союзников к Николаеву, закончившаяся взятием Кинбурна, завершила кампанию на Черном море.

Балтийский театр в Крымскую кампанию Военные действия на Балтийском море имел второстепенное значение. Главный удар союзников был направлен на юг, где и решился исход войны.

Однако боевые действия на Балтийском море, связанные с обороной побережья, представляют несомненный интерес для установления идей, господствовавших в то время в деле морской обороны и боевого использования флота вообще. Интерес тем больший, что опасение неприятельского десанта и организация обороны фактически являлись основой всех планов кампании на Балтийском море со времени Севастополя до мировой войны включительно. Главное задание—оборона берегов и, в особенности, оборона столицы, с тех пор установилось как бы преименно.

Планы войны на Балтийском море к моменту Крымской, кампании уже имели свою историю. Подобно тому, как на Черном море русская стратегия стремилась к занятию входных проливов путем десантной экспедиции на Босфор,—в Балтийском море имела место аналогичная цель стратегии, сводившаяся к занятию флотом Датских проливов, чем задача обороны моря решалась в корне. Однако, перед самой Крымской войной, в период созревания политического кризиса, в то время, когда Российское правительство занимало нерешительную позицию, ограничиваясь полумерами (занятие Дунайских княжеств), оно вместе с отказом от экспедиции на Босфор отказалось также и от занятия флотом Датских проливов.

Активная операция на море, которая составляла основной замысел плана, была отменена; решено было обратиться

к местной обороне Балтийского моря, в особенности Кронштадта. Главная задача была возложена на армию, которая в количестве 200.000 была развернута по отдельным пунктам побережья (см. сх. № 4). Роль же флота оставалась неопределенной, не оказалось даже никакого сложившегося плана об употреблении его в море для борьбы с морскими силами противника.

О том свидетельствует обращение генерал-адмирала Константина Николаевича к видным адмиралам и начальникам с просьбой представить ему соображения о плане войны на Балтийском море. Самый способ—при помощи анкет установить задачи—является показателем отсутствия определенных намерений в главном командовании и служит доказательством его неподготовленности к руководству флотом на войне.

Вот некоторые из полученных мнений: Князь Меншиков считал возможным для флота принять бой с флотом неприятеля в открытом море, встретив его у Наргена в Финском заливе. Корнилов предлагал разделить флот на две части: главные силы выдвинуть за Порккаллауд, резерв иметь у Кронштадта. Граф Гейден высказался за решительную встречу у Гогланда. Литке—предлагал все три дивизии сосредоточить у Кронштадта и т. п. Мнения были различны, общих взглядов не было. Однако, большинство находило, что самая выгодная позиция для флота у Свеаборга, фланговая к главному операционному направлению противника—на Кронштадт. (Кстати напомним, что Свеаборгская крепость была в совершенно запущенном состоянии).

Чтобы разобраться в вопросе и принять решение, была образована специальная комиссия под председательством адмирала Рикорда, которая установила, что выгоднее всего сосредоточить все три дивизии у Свеаборга, а если противник не позволит этого, появившись быстро в наших водах, то в Кронштадте.

Фактически же, к моменту начала войны, флот оказался разделенным: две дивизии в Кронштадте, одна в Свеаборге, гребная флотилия в шхерах.

В записке, явившейся результатом совещания под председательством адмирала Рикорда, принятой в основание военных действий, между прочим, было сказано: „Превосходящая сила ожидаемого в Балтийском море неприятельского флота не позволит нам вступить с ним в открытый бой с какой-либо надеждой на успех. Посему мы должны, по необходимости, остаться в положении чисто оборонительном, под защитой крепостей наших, но будучи в совершенной готовности пользоваться каждой благоприятной минутой, чтобы переходить в наступление. Главнейшей заботой нашей должно быть соединение всех трех дивизий в Свеаборге. Сильный

флот всей центральной позиции свяжет движение неприятеля и вероятно попрепятствует ему сделать какое-либо важное покушение на Кронштадт.

„Если неприятель появится в наших водах прежде очищения Кронштадтского рейда и гавани от льда, и притом, как предполагается, в весьма превосходных силах, то принужденный остаться в Кронштадте флот должен быть расположен таким образом, чтобы, усиливая оборону Кронштадта, вместе с тем обеспечивал и собственную безопасность“.

„Эта записка“, по словам А. Лебедева („Флот в царствование Николая I“), „говорит сама за себя—сбережение флота во что бы то ни стало, спрятав весь флот за каменные стены укреплений—вот ее смысл...“.

Таким образом, русский флот был прикован к местной обороне Кронштадта и Свеаборга, его даже не предполагалось использовать в море, противодействуя операциям неприятеля.

Инициатива была полностью предоставлена противнику.

После долгих предварительных переговоров и попыток найти примирительное соглашение, Россия 21 апреля 1854 г. объявила войну Англии и Франции. Но еще 28 февраля из Англии вышла эскадра адмирала Непира, имевшая заданием упредить русский флот в Датских проливах, так как англичанам не было известно об отказе русских предпринять активную операцию в этом направлении. 15 марта она была в Киле, а 19 — перешла в б. Киеге. Самый факт прихода эскадры раньше русской в Англии оценивался, как крупный успех.

Эта эскадра состояла из 19 линейных кораблей и 26 пароходно-фрегатов. Если бы все русские дивизии были сосредоточены в Дании, они оказались бы даже сильнее противника.

Произведя разведку в направлении Финского залива, Непир перешел с большими затруднениями (штормы, отсутствие хороших карт) сначала в Стокгольмские шхеры, а 26 апреля на рейд Ганге.

За это время русские эскадры могли соединиться в Свеаборге и даже выйти, как некоторыми предполагалось, в море для боя с английской эскадрой. Но они оставались стоять в тех портах, где застала их война и не проявляли никакой активности (Кронштадтская эскадра высылала разведчиков только до Сескара).

В Ганге англичане простояли еще две недели, производя нападения на окрестные шхеры и разоряя прибрежные селения.

21 мая англичане перешли к Порккаллауду, где, выжидая в течении 10 дней присоединения французов, произвели рекогносцировку Свеаборга. Непир донес в Англию, что он

считает Свеаборг, по силе укреплений, равным укреплениям Гибралтара (?) что для взятия его ему нужны канонерские лодки и десантный корпус, что с наличными средствами эта задача ему непосильна.

По приходе французской эскадры, силы союзников уже значительно превосходили силы русского флота (см. табл. на стр. 12).

Однако, отсутствие у союзников единоначалия, лишение их начальников инициативы (о всех ответственных операциях они должны были сноситься с Лондоном и Парижем), отсутствие ясной цели, случайность замысла операций, нерешительность выполнения их—в целом дают образец совершенно неорганизованного командования, чем русский флот, при иной подготовке и ином командовании, мог бы широко воспользоваться.

10 июня англо-французский флот появился у Кронштадта и простоял 6 дней вне его выстрелов (у Красной Горки). Решив, что атаковать Кронштадт невозможно, союзники вернулись в Поркаллауд. Тем временем были получены приказания от их правительств атаковать Бомарзунд (цель—захватить Оланд и передать его Швеции, побудив последнюю вступить в войну против России). Для операции был привлечен 12-тысячный десантный отряд, привезенный из Франции.

С уходом союзного флота в Аландские шхеры, для наблюдения за Кронштадтом был оставлен отряд в составе 5 винтовых и 4 парусных линейных кораблей. Но русский флот, располагавший 25 кораблями в Кронштадте,—не вышел для боя с ними. Слабому отряду удалось блокировать сильнейшего противника. Так велико было тяготение к крепостным веркам, и так глубоко была во флот внедрена мысль о необходимости содействия крепостям, отказываясь от активных операций в море!¹

Бомарзунд с его 1.600 защитниками не мог противостоять 14.000 отряду союзников и после 4 дней отчаянного сопротивления был взят.

Несмотря на повторное приказание из Англии атаковать Свеаборг,—Непир, считая это невозможным, отказался.

В октябре союзники ушли в южную часть Балтийского моря.

После их ухода Рикорд выслал отряд пароходо-фрегатом к устью Финского залива, но они неприятеля уже не обнаружили.

¹ Правда, было приказано отряду из 6 кораблей и 6 пароходо-фрегатом—выйти в море: но „не удаляться от Кронштадта“. Отряд вышел, но, дойдя до Красной Горки, был возвращен обратно. Из Свеаборга же флот не выходил вовсе.

Так прошла кампания 1854 года. Ни одного случая инициативы со стороны русского флота, ни одного маневра, сопряженного с выходом в море! Полное отсутствие боевого порыва. Флот, распределенный по крепостям в помощь их обороне, так и простоял всю кампанию.

Сосредоточенная по берегу, в ожидании десанта, двухсоттысячная русская армия бездействовала, в то время, как на юге, на решительном пункте, у Севастополя флот должен был списать команды и уничтожить себя, чтобы пополнить 9.000-й гарнизон крепости; в то время, когда армия Меншикова ощущала недостаток в людях и не могла собрать превосходных сил, чтобы сбросить противника в море.

В течение зимы 1854—55 года русские усилили Кронштадт и Свеаборг установкой новых батарей. Вместо имевшейся гребной шхерной флотилии была построена флотилия паровых канонерских лодок, в числе 30 штук. Дислокация же флота—осталась прежней.

Союзники энергично готовились к кампании на Балтийском море. Оба адмирала, командовавшие флотами в прошлом году, были сменены (назначены английский—Дуглас и французский—Пено). В 1855 г. ни один парусный корабль не вошел в состав союзного флота, который теперь состоял исключительно из паровых судов, именно:

	Линейные корабли	Пароходы и фрегаты
Англия	17	30
Франция	3	2

28 апреля английская эскадра стала на якорь у о. Нарген (вблизи Ревеля), а через две недели подошла к Кронштадту, где к ней присоединился французский отряд. Произведя рекогносцировку и вновь отказавшись от атаки Кронштадта, союзная эскадра главными силами осталась блокировать его, высылая отдельные крейсерские отряды для набегов на побережье (произведены были налеты на Транзунд, Биорке, Котку, Ловизу, Экенес, Ганге, Биорнеборг, Гамле-Карлебю, Лужскую губу, Нарву, Пернов, Аренсбург, Домеснес, Усть-Двинск, Либаву и пр.). В отдельных пунктах они встречали сопротивление, подчас успешное.

В середине лета к союзникам из Англии прибыли 36 канонерских лодок, при помощи которых они предполагали атаковать Свеаборг.

28 июля была начата бомбардировка Свеаборга, которая продолжалась в течение двух дней, не принося больших разрушений крепости. Операция не сопровождалась высадкой десанта, форсировать же проход на рейд союзники не решились.

В августе англо-французский флот ушел к Наргену и до осени продолжал набеги на побережье; в ноябре вернулся к своим портам.

Русский флот, по прежнему, простоял безвыходно в Кронштадте и Свеаборге и даже кончил кампанию раньше ухода неприятеля из Балтийского моря.¹

Заключение. В развитии Крымской кампании на море видно характерное, в значительной степени присущее и последующим морским войнам, явление—это коренное, катастрофическое несоответствие культивировавшихся в период подготовки планов с теми реальными условиями и стремлениями, которые направляли ход войны в ее боевой действительности.

Как на Балтийском, так и на Черном море разрабатывались широкие планы наступательных операций на проливы, и в этом направлении, в особенности в Черноморском флоте, была ориентирована мысль командования. Но ни политическая обстановка, ни принятый общий план войны, ни, наконец, состояние материальных сил не давали возможности к их осуществлению. Все предположения оказались несостоятельными.

Это знаменовало собой потерю основных идей, воспитанных во флоте. Других идей не было. Вся оперативная постройка оказалась без фундамента, флот—без определенных и ясных заданий.

Это уже была катастрофа.

Произошла реакция, выразившаяся в полном отказе от каких бы то ни было активных операций в море, цель которых уже была не ясна. Оперативная мысль покатилась по линии наименьшего сопротивления. Флот перестал быть, в стратегическом смысле, самостоятельной силой. Высшее командование с легким сердцем бросило морские силы на помощь крепостям, не находя, да и не ища им, иного приращения—в открытом море.

Если мы под этим углом зрения посмотрим на трагедию флота в Крымскую войну, продемонстрировавшую полное оперативное убожество главного морского командования, лишенного определенной идеи использования флота,—то многие события станут нам вполне понятны. Понятен будет и тот путь, который привел к „самоубийству“ Черноморский флот и к полному параличу—Балтийский.

¹ Следует упомянуть также об атаке англо-французским отрядом Петропавловска (на Камчатке), которая была успешно отражена гарнизоном и флотилией из 1 фрегата и 1 транспорта при содействии устроенных на берегу 6 батарей. Союзники располагали 4 фрегатами, 1 пароходом и бригом. Несмотря на превосходные силы, их двукратная попытка высадить десант не удалась и они были принуждены отступить, не достигнув успеха.

Казалось бы, отсюда должно было быть вынесено соответственное поучение. Казалось бы, тяжкий опыт Крымской войны должен был предостеречь от повторения новых крахов, обязав в последующем сообразовать: планы—с реальной возможностью их достижения, политику—с стратегией, подготовку флота—с его подлинными боевыми задачами и обстановкой.

Однако, этот опыт, в чем нас убеждает история новых войн царской России, не был надлежаще учтен, и там мы вновь встретимся с явлениями того же порядка.

Сказанное выше предопределило исключительно пассивный характер морской обороны берегов. В этом отношении Крымская война дает безотрадно-цельный образец пассивной обороны.

Между тем, фактически стоявший во главе флота адмирал Корнилов по своему военному облику не являлся склонным к такому решению проблемы флота. Он спорит с Меньшиковым, заступаясь за план операции к Босфору; когда от последнего отказываются, он предлагает занять рейды на неприятельском берегу, чтобы, базируясь с флотом на них, блокировать Босфор; когда и это не вызывает сочувствия, он всей своей деятельностью старается стать на путь активной борьбы с противником. Его крейсерства к Босфору, хотя подлежащие осуждению с точки зрения тактического и стратегического построения такого рода операций, не оставляют сомнений в подлинности его активного порыва. Решение о затоплении судов вызывает глубокий протест с его стороны, он устраивает Меньшикову скандал, кричит ему о том, что „это самоубийство“. И, наконец, когда Меньшиков оскорбляет его намеком, что в таком случае он может покинуть Севастополь и ехать в Николаев, Корнилов, отчаявшись в возможности выхода флота в море, отдается целиком обороне крепости и вместе с Нахимовым доблестно погибает в первых рядах ее защитников.

Драма Корнилова—это драма активной идеи использования флота. Последняя—была лишена основного фундамента, она не могла найти себе иного выражения, кроме разрозненных стремлений к отдельным, мало значущим операциям, кроме порывов энтузиазма, не получивших стратегического оформления в виде целого, преследующего определенную цель, активного плана морской кампании. Это—следствие той идейной катастрофы, которая обнаружилась с началом войны с отказом от наступательных планов и отсутствием ясного представления о задачах флота.¹

¹ Говорят, что, когда Корнилов, в пылу спора с Меньшиковым, спросил его: „что же делать с флотом?“, Меньшиков ответил, с присущим ему пинизмом: „положите его себе в карман“. Этот анекдот показателен и метко характеризует полное отсутствие мыслей об использовании флота у главнокомандующего Меньшикова, много лет перед этим бывшего фактическим распорядителем судеб флота и морского ведомства.

Н. Л. Кладо („Введение в историю военно-морского искусства“) говорит, что в иной обстановке, при иных условиях Корнилов был бы русским Нельсоном, а Нахимов — его Коллиндвудом. Но вот этих-то условий, при которых талантливые начальники получали бы возможность развернуть свою деятельность, в „николаевской“ России — не было.

Мы потому специально останавливаем внимание читателя на „драме Корнилова“, что в последующем она вновь выходит на сцену русской морской истории. В русско-японскую войну и в войну мировую русский флот имел талантливых и доблестных выразителей активной идеи — в лице Макарова и Эссена. Они так же вели борьбу за активность и так же, как Корнилов, встречали глухую оппозицию со стороны высшего командования. Они так же могли быть „русскими Нельсонами“ и так же не встретили условий, при которых это могло осуществиться.

Замечательнее всего то, что после Крымской войны, в восприятии ее опыта последующими поколениями, старательной рукой правительства была закрыта эта сторона постигшей флот катастрофы, связанной с утратой активной идеи. Наоборот, в целях „поднятия духа и воспитания“, внимание фиксировалось на героической защите Севастополя, прославление каковой составило как бы культ в воспитании флота, придавая ему определенный уклон.

„Надо отдать справедливость героям“, — говорит Н. Л. Кладо (Введение и историю в.м. искусства), „награждать и ценить их заслуги, но нельзя возводить в культ эпоху, характерной чертой которой были военная отсталость и военное невежество. Именно за таким культом пропадают те причины, которые привели к этим поражениям, и тем самым устраняется возможность ясного сознания и устранения этих причин“.

Этот „культ Севастополя“ не прошел бесследно в дальнейшем ходе русской морской истории, он составил предпосылку к другой трагедии флота — в Порт-Артуре, он питал моральным содержанием пассивно-оборонительную тенденцию, которая была одной из главнейших причин наших неудач на море в русско-японскую войну.

Нельзя не отметить вывода военно-сухопутной науки о стратегических причинах неудачи кампании на Черном море, так: формулированного Леером (Стратегия, ч. III) „Главная же основная, коренная причина нашей неудачи в деле противодействия высадке, а равно и последующих наших неудач, заключалась в крайне ошибочном развертывании наших сил на всем театре войны в виде кордона от Торнео до Баязета, что и привело к тому, что наша стратегия на решительном пункте (в Крыму), в решительную минуту оказалась не сильнейшей, как то должно быть,

а слабейшей... Если бы на Балтийском побережье ограничиться только 50.000—60.000, что было вполне достаточно, а 150.000 лишних назначить в Крым и сосредоточить там около 200.000, то весь крымский десант, со всеми тяжелыми для нас последствиями... обратился бы в дело положительно невозможное, химерическое, благодаря только одной такой группировке сил, согласно духу истинных принципов стратегии...”

Этот вывод Леера выявил сложившуюся в военно-сухопутных кругах точку зрения, что громадная русская армия путем лишь ее перегруппировок может ликвидировать и сделать „химерической“ высадку десанта на побережье России, и что в Крымскую войну—все дело в „коренной“ ошибке неудачного развертывания. Эта точка зрения проходит красной чертой через все последующие войны России, являясь предпосылкой к своеобразному разрешению проблемы морской обороны в русско-японскую войну и в период подготовки к мировой.

Между тем, даже для Крымской войны эта „коренная“ ошибка развертывания не была только заблуждением, „ошибкой“—в точном смысле этого слова. 200.000 армия была фактически прикована к Балтийскому побережью, так как здесь был „снят с игры“ Балтийский флот, а противник угрожал десантом. При громадных расстояниях, дурном состоянии дорог эти перегруппировки были бы неизменно медлительными, может быть переходящими тот предел, который устанавливается способностью государства продолжать войну, как это мы видим в кампании 1904—1905 г.г.

Эта сухопутная точка зрения, игнорирующая значение и роль флота в обороне побережья, основанная на односторонне понятном опыте Крымской войны, сказала и в последующем...

Мы видели, какую пагубную роль в развитии Крымской кампании сыграло дурное оборудование портов и слабость береговой защиты, предопределившие необходимость передачи с флота людей и орудий на ее усиление.

И в этом отношении опыт Крымской войны прошел бесследно. С тех пор дурное оборудование портов и слабость защиты крепостей устанавливаются, как хроническое явление в русской морской истории, став своего рода „традицией“, в основе которой легло непонимание их значения для обороны побережья и ведения морской войны вообще.